

*Роми, самому замечательному
дополнению к моей жизни*

Маргаритки дарят в честь новых начинаний.

Тот, кто смотрит с улицы в открытое окно, увидит гораздо
меньше, чем тот, кто смотрит в окно закрытое.

*Шарль Бодлер. Окна (из сборника «Парижский сплин»)**

* Пер. Татьяны Источниковой.

ПРОЛОГ

Три года назад

Камилла

Камилла решила снять эту квартиру по одной-единственной причине: вид из окон. Там не было ни открытого солнцу пространства, ни поэтических парижских крыш, ни даже уютного, скрытого от соседских глаз закутка. Нет, ничего подобного, взгляду открывалось совсем другое. При осмотре Камилла быстро оглядела кухню и спальню, мельком заглянула в ванную, а затем без единого слова направилась к трем большим окнам в гостиной. Хозяин сделал несколько резких шагов в ту же сторону, будто ему внезапно захотелось встать между Камиллой и окнами. Но в последний момент передумал.

— Они бывают дома не так уж часто...

Он находился всего в нескольких сантиметрах от нее, но его голос звучал словно издалека. Камилла будто переместилась в пространстве и, словно зачарованная, смотрела прямо перед собой: квартира в доме напротив находилась так близко, что можно было рассмотреть все до малейших деталей: расположение мебели, цвет стен, магнетики на холодильнике... Камилле казалось, что стоит протянуть руку — и она сможет налить себе чашку чая или взять печенье из вазочки со стола в гостиной. Казалось, она снова попала в детство и заглядывает внутрь кукольного домика. Сколько метров было между окнами? Пять? Шесть? Может быть, семь. Ей никогда не давались такие вещи.

Хозяин кашлянул, и Камилла вернулась к действительности.

— А вы? Вы часто бываете?

— Ну, наверное... — ответил он, смутившись.

Камилла ничего не добавила. Она чуть отодвинулась в сторону, чтобы взглянуть под другим углом. Ей никогда не приходилось видеть такого расположения домов в Париже. Поэтому неудивительно, что, даже при дефиците на рынке жилья, эту квартиру было довольно трудно сдать. Камилла подумала о том, как, должно быть, здесь мало света зимой, и низкая арендная плата сразу показалась ей чрезмерной. Когда ей попало на глаза объявление, она стала представлять самые разные варианты, но этого она не могла представить: оказаться на расстоянии вытянутой руки от жильцов соседнего дома.

В остальном квартира была хороша. Она располагалась на последнем из семи этажей, лестничная площадка здесь сужалась, и, когда Камилла стала подниматься, у нее возникло ощущение, что она пробирается в тайное убежище. Мансардные потолки в спальне и ванной комнате придавали месту еще больше уюта. Отпирая дверь, хозяин заверил Камиллу, что после отъезда предыдущего жильца был сделан капитальный ремонт. И в самом деле: стены были безупречно белыми, деревянный паркет переливался золотистыми оттенками, и этот контраст еще больше подчеркивал теплоту комнаты.

— Я беру.

— Вы уверены? То есть, я хочу сказать, конечно. Конечно, мадемуазель. Вам здесь будет очень хорошо, — добавил он, убеждая скорее себя, чем Камиллу.

Она достала из сумки папку со всеми необходимыми документами. Там были справки о зарплате за последние три месяца, налоговая декларация, квитанции об оплате прежней квартиры и копия удостоверения личности.

— А ваш супруг не хочет взглянуть? — вдруг заволовновался хозяин.

— В этом нет необходимости. Мы всегда согласны друг с другом.

Мужчина на секунду замешкался, но в конце концов кивнул и взял папку с документами. Поскольку зарплата Камиллы была меньше трехкратной арендной платы, что требовалось по закону, она попросила Жерома помочь ей, и тот согласился без лишних вопросов. Вот уже три года, как они по вторникам, вместе с небольшой группой человек из десяти, бегали по улицам Парижа. И хотя разговаривала она с ним мало, ладили они неплохо. По крайней мере, достаточно хорошо для того, чтобы он согласился выступить в роли ее супруга на время поиска квартиры.

С сосредоточенным видом хозяин стал перелистывать одну за другой страницы досье. Камилла не удивилась. С первого момента их знакомства этот человек показался ей чрезвычайно педантичным. Пожимая ему руку, она представила себе, как он сидит за своим столом, раскладывая тщательно заточенные карандаши в строгу

определенном порядке. Она была уверена, что он из тех людей, которые оставляют абсолютно одинаковое состояние между лежащими на столе ручками.

Бухгалтер, без сомнения. Бухгалтер, чемпион по шахматам с инсектарием в отдельной комнате.

— Я просмотрю все это и сразу же свяжусь с вами...

Он поднял голову и внимательно посмотрел в глаза Камилле, словно пытаясь определить степень ее честности. Внезапно на него навалилась сильная усталость, он будто постарел на десять лет. Протяжно вздохнув, он постучал нижним краем папки по столу, чтобы собрать все бумаги вместе.

— На самом деле всё в порядке, мадемуазель. Я согласен сдать вам квартиру.

Быстрым движением он достал из портфеля несколько документов.

— Вот договор аренды. Возьмите его сегодня, прочитайте вместе с вашим мужем, а подписать мы можем на следующей неделе. Согласны? А вы к тому времени успеете оформить страховку.

Кончиками пальцев Камилла ухватила было за протянутые ей бумаги, чтобы скорее сунуть их в сумку, но мужчина порывистым жестом придержал их, на секунду закрыл глаза и наконец окончательно ослабил хватку. Затем решительным шагом, не оглядываясь, направился к двери.

Выйдя из подъезда, Камилла еще раз пожала ему руку и повернула направо, потому что он повернул налево.

Пройдя несколько метров, она толкнула дверь ближайшего бара, села у стойки и заказала бокал белого вина. Камилла сделала глоток и, когда прохладная жидкость согрела ее изнутри, почувствовала, как расслабляются мышцы.

Теперь у нее была квартира, в которой она могла жить одна, зарплата, которая впервые в жизни позволяла ей скромно содержать себя, и работа, которая ей нравилась.

После второго глотка Камилла почувствовала легкое опьянение, но прежде всего бесконечную свободу.

Маргарита

Маргарита смотрит из окна своей квартиры. Ей нравится наблюдать за улицей, за разными проявлениями жизни, за тысячами историй, которые разыгрываются под цинковыми крышами столицы. Она живет на седьмом этаже парижского дома в одиннадцатом округе и каждое утро не может оторваться от этого зрелища, как будто видит его впервые. Она уверена, что дома на противоположной стороне улицы каждый день освещаются солнцем по-разному.

Париж течет в ее жилах с самого детства, и она не может представить себе, что жила бы где-то еще. Наверное, потому что никогда не пробовала. Она прекрасно понимает, что слишком городская и не проживет и дня в суровых условиях деревенской жизни. Для кого-то все наоборот, а для нее именно так и не иначе. Кто-то верит в природу, а она — в людей. Несмотря ни на что.

Она почти родилась в этой квартире. Во всяком случае, именно здесь, в этих стенах, она росла и созревала год за годом. Бесчисленное количество раз она видела, как деревья у ее дома наряжаются в краски осени, а улица, по которой она ходит каждый день, помнит ее девочкой, девушкой и взрослой женщиной.

В свои годы Маргарита все еще ездит на метро. Несмотря на все эти ступеньки, бесконечные пересадки,

несмотря на толпу... Она не может отказаться от запаха метро. Для нее это запах Парижа, и на каждой станции он свой. Она могла бы с закрытыми глазами определить, через какой район проезжает — офисный, рабочий или туристический. Ей нравится эта мешанина испарений, которая состоит из запаха горячих рельсов, клея рекламных афиш, моющих средств и, конечно, пассажиров. Этого скопища людей, которых не связывает ничто, кроме направления движения поезда. Когда ей было девять лет, Маргарита почти на полгода потеряла обоняние. Теперь она не переносит людей, которые говорят, что в метро воняет. Они не знают запаха жизни. И ее цену.

Сегодня она уже не пользуется всеми возможностями, которые может предложить этот город, но само сознание того, что при желании она вполне могла бы, наполняет ее радостью и спокойствием. Повседневная жизнь Маргариты протекает, как правило, в пределах ближайших улиц. Каждое утро она выходит прогуляться, чтобы сделать покупки на день. Она заходит в булочную, к зеленщику, бакалейщику и даже раз в неделю в сырную лавку. Время от времени она навещает Жанну, которая живет в семнадцатом округе. Это не очень близко, но Маргарите нравится туда ездить. В том округе городские власти достойно платят садовникам, и местные парки могут похвастаться одними из самых роскошных цветников в Париже. Маргарита всегда обожала цветы. Она часто задается вопросом, как огромное количество людей

может не замечать такое чудо природы. Иногда она даже завидует жителям небольших городов, в которых много круговых развязок. Если бы она жила в провинции и у нее были водительские права и машина, она только и делала бы, что ездила по этим развязкам и любовалась высаженными на них клумбами. Но со всеми «если бы да кабы» она была бы совсем другим человеком.

Сегодня утром по дороге к бакалейщику, стоя на переходе, она заметила на противоположном тротуаре грудку коробок для переезда. Вдруг из проема большой красной двери вынырнула молодая женщина, схватила коробку и бросилась обратно в подъезд. Маргарита не стала переходить, когда появился зеленый человечек, она осталась на месте, чтобы еще несколько минут понаблюдать. Женщина появилась вновь, и все повторилось. Маргарита внимательно следила за тем, чтобы никто не стащил одну из коробок, хотя и понимала, что, случись подобное, она ничего не сможет сделать. Незнакомке понадобилось всего несколько минут, чтобы очистить тротуар от своего скарба, и Маргарита продолжила свой путь, думая об этой молодой женщине, несомненно полной надежд, и о новой жизни, которая у нее вот-вот начнется.

1

Камилла

Камилла была поздним ребенком. Когда она родилась, ее сестре Виржини было уже почти двенадцать, и у них редко получалось поиграть вместе. Виржини была ей скорее второй матерью, чем сестрой. Камилла страдала, видя, как та уходит, ускользает от нее, взрослеет. Ей было больно осознавать, что сестра предпочитает быть где-то в другом месте, а не с ней, слышать ее бесконечные «потом» в ответ на просьбу побыть вместе и знать, что это «потом» никогда не наступит. Сначала она страдала, а потом перестала, потому что страдания тоже прекращаются, когда входят в привычку.

В детстве у Камиллы было несколько подруг. Сначала Соня, потом Жюли и, наконец, Клэр. А еще у нее была воображаемая сестра, ее ровесница, тихая месть той, настоящей сестре, так часто исчезающей.

Надин.

Никто не мог понять, почему она выбрала это имя. Девочек больше не называли Надин. Никто больше *не хотел* зваться Надин. Но Камилла настаивала. Она рассказывала родителям, как они с Надин провели день, а те смотрели на нее сначала немного обеспокоенно,

а позже с умилением, радуясь бурному воображению младшей дочери.

Камилла не чувствовала себя несчастной, но ее жизнь казалась ей слишком гладкой по сравнению с другими. Она очень скучала. Родители много работали и в отпуск ездили всего на две недели в году, зимой, и всегда в одно и то же место, в Сен-Жан-де-Люз. Ее мать ненавидела толпу, поэтому песок, вода и волны были им доступны только не в сезон. Камилла не видела смысла в поездке на море, если в нем нельзя купаться, но помалкивала, потому что в отсутствие сестры она всегда была в меньшинстве. Она делилась с Надин, и становилось немного лучше.

Помимо этих двух недель на оставшуюся часть школьных каникул местье и мадам Фонтен отправляли дочь в Бретань к дедушке. Камилла опять скучала, но уже в другом месте. Чтобы как-то пробудить свои эмоции, она ложилась на дорогу у дедушкиного дома и считала до десяти, прежде чем встать. Однажды она досчитала до пятнадцати и почувствовала, как сердце бешено заколотилось в груди, словно просилось на свободу.

Лето, когда ей исполнилось десять лет, Камилла, как всегда, проводила с дедушкой. На день рождения ей подарили воздушного змея в виде красного дракона, которого она с удовольствием запускала в небо, представляя, что он может видеть с такой высоты. Но однажды змея подхватило порывом ветра, и он упал в соседний двор. Поскольку забор, разделяющий участки, был

слишком высок, Камилле пришлось собрать все свое мужество и отправиться к соседке.

Дом был старый, каменный и выглядел так, словно был построен много-много лет назад. В этом простом прямоугольном строении не было ни капли очарования. Крыша была повреждена, водосток протекал даже в сухую погоду, а несколько камней выпали на обочину дороги. Каждый раз, проходя мимо, Камилла чувствовала смутное беспокойство, которое заставляло ее ускорить шаг.

Камилла довольно долго стояла перед разошедшейся дверью с поднятым кулачком, не решаясь постучать. Она уже готова была развернуться и уйти, когда в доме раздалось несколько резких щелчков. От неожиданности она трижды коротко постучала, и шум тут же стих. Камилла представила себе старушку, устроившуюся среди пыльных диванных подушек, удивленную, даже напуганную неожиданным визитом. Но прежде, чем ее воображение унеслось дальше, дверь открылась, и на пороге появилась пожилая женщина. Статная и сияющая. Она с улыбкой пригласила ее войти, и Камилла отметила, что возраст дамы совершенно не соответствует голосу.

Внутри все было не так, как она ожидала. Здесь царила приятная смесь тепла и свежести, сладких и пряных запахов, мягких, пастельных оттенков. Розовый, бледно-желтый, цвет морской волны. Окно во всю стену с рамой из кованого железа выходило в сад. Камилла заметила, что здесь нет ни люстры, ни лампы, ни какого-либо другого

искусственного освещения. Единственными источниками света были это огромное окно в сад и множество свечей, расставленных по всей гостиной.

На самом деле дом представлял собой одну большую комнату, где все смешалось: кухня, спальня, гостиная и ванная. Не было ни одной перегородки, только несколько занавесок, которые задергивались по мере необходимости. Четыре стены и крыша — больше ничего. Совсем как на ее детских рисунках, над которыми она корпела целыми днями. Камилла увидела, что в доме нет второго этажа, хотя, возможно, когда-то он существовал, ведь высота потолка была не меньше пяти метров. Она также заметила деревянную крышку люка, наполовину скрытую толстым меховым ковром. Тайник, подумала она, обернувшись кругом. Никогда еще она не видела такого красивого места.

Остаток каникул она провела, придумывая все новые и новые уловки, чтобы снова попасть в дом соседки. В день отъезда Камилла почувствовала, как ее переполняет печаль. Сердце разрывалось от того, что приходится покидать это место. Старушка смахнула слезу с лица Камиллы и прошептала фразу, которую та помнила до сих пор, спустя многие годы:

— У каждого дома есть душа, малышка Камилла. Там хранятся чувства людей, их воспоминания, их секреты... даже их сердца. Жизнь — это длинная череда фотографий, которые мы забываем сделать. Но дома, они помнят. Стены, предметы, даже свет хранят часть нас.

— Это такое волшебство? — спросила Камилла.

— Да. Все, что наполняет дом, очень близко к волшебству.

С того дня Камилла стала заглядывать в окна домов. Она проводила целые вечера, просиживая напротив фасадов, воображая, что может скрываться по ту сторону закрытых ставен, или каменных стен, или высоких дверей. Но больше всего Камилле нравились прозрачные занавески. Тонкая ткань не позволяла видеть все, но давала возможность представить по силуэтам, теням или свету. Это приводило ее в восторг. Она не ограничивалась тем, что угадывала цвет обоев или форму фамильной мебели, но получала удовольствие, словно создавая жизнь тех, кто обитал в этом доме.

Имя на почтовом ящике, узор на занавеске, цветы в окне... Из маленьких деталей она слагала истории. Иногда ей удавалось увидеть жильцов, когда те выходили из дома, и тогда она могла проверить свои предположения по тому, как они были одеты, как стояли или двигались. По блеску в их глазах. Камилла любила людей, но предпочитала наблюдать через стекло, потому что так было возможно все. И ничто не могло разочаровать.

Вот почему три года назад, когда она подошла к трем окнам, выходящим на дом напротив, она не колебалась ни секунды. Это был своего рода запретный плод, который сам шел к ней в руки. Она сможет представлять себе жизнь соседей. Она сможет придумывать для них работу, семью, друзей. Сможет менять течение их

любовей и печалей, воображать себе их радости и ссоры. Она сможет придумывать всё.

И сегодня Камилла особенно счастлива, потому что после долгих месяцев ремонта в квартире напротив наконец-то поселились новые жильцы.

2

Маргарита

Жанна непроизвольно улыбается. Она полусидит-полулежит в кровати, губы ее сохранили привычку улыбаться, как когда-то.

Маргарита не знает, с чего начать. Она чуть было машинально не сказала, что Жанна хорошо выглядит, но удержалась, потому что это было бы неправдой. Жанна бледна, слишком бледна, настолько, что Маргарите кажется, она вот-вот растворится в одеяле, которое словно прижимает ее хрупкое тело к матрасу.

При взгляде на Жанну Маргариту вдруг поражает одна мысль. Если простыни белые, то Жанна не может быть такой же белой. Жанна тусклая. Как белье, которое слишком много раз побывало в стиральной машине и с которым надо в конце концов решительно расстаться. Может быть, в конечном итоге так оно и есть. Жанна слишком замызгана, слишком потрепана и изношена и слишком обветшала, чтобы продолжать жить дальше. Если с Жанной все так, думает Маргарита, то что же с ней самой?

— Жизнь — это не по мне, — в конце концов говорит Жанна.

— Что, черт возьми, ты хочешь сказать?

— Я не знаю. В итоге я не знаю, понравилось ли мне жить.

В этих словах была вся Жанна.

Даже в детстве она иногда съедала десерт до последней ложки, после чего говорила, что он ей не особенно понравился. Маргарита хотела напомнить ей об этом, чтобы немного ее расшевелить, но увидела, как из уголка правого глаза подруги по мочке уха скатилась слезинка и упала на подушку. Поэтому она промолчала, опустив взгляд. В этот момент Маргарита поняла. Она поняла, что видит Жанну в последний раз и что вместе с ее названной сестрой безвозвратно умрет часть ее самой.

Жанна засыпает, и Маргарите не хочется уходить, пока та спит. Поэтому, дожидаясь, когда подруга проснется, она встает, чтобы посмотреть в окно палаты. Сентябрь подходит к концу, и на улицах половина женщин в сапогах и пальто, а половина — в платьях и сандалиях. Осень — это, безусловно, лучший индикатор оптимизма. Маргарита как раз пытается разделить людей на две категории, когда ей на глаза попадает молодая женщина в неоновом-оранжевом спортивном трико с черной повязкой на голове. Она переступает с ноги на ногу на пешеходном переходе, ожидая, когда можно будет перейти дорогу. Внезапно, когда еще не загорелся зеленый, а по дороге на большой скорости приближалась машина, бегунья безо всякой причины бросается вперед. Ее уже практически сбивает автомобиль, но какой-то мужчина резко хватает девушку за плечо и в последний

момент оттаскивает на тротуар. На четвертом этаже, за больничным окном, Маргарита кричит, но из ее рта не вырывается ни звука.

Она садится на стул, все еще пребывая в состоянии шока, а в голове у нее проносится фраза — фраза, которую она слышала по телевизору, кажется, в какой-то рекламе. Да, точно, в рекламе «Лото». Маргарита не может избавиться от нее, снова и снова прокручивая в уме слоган как навязчивый мотив, похожий на резкий аромат или что-то назойливое, способное тобой завладеть.

Кто следующий?

Кто следующий?

Кто следующий?

Только вот Жанна последняя, кто у нее остался. И теперь Маргарита знает, что следующая — она сама.

3

Камилла

Итак, Камилла живет в этой квартире уже три года. Три года она спускается и поднимается на седьмой этаж без лифта хотя бы раз в день. Три года, как она предпочитает промокнуть до нитки, чем вернуться за этим чертовым зонтиком, который за всю свою жизнь не видел ни капли дождя. И три года прошло с тех пор, как она решила, что не вернется в университет.

Ее родители и сестра — все трое врачи — долгое время надеялись, что она пойдет по тому же пути. Но Камилла даже не рассматривала этот вариант. Она терпеть не могла все эти разговоры о насморках, отитах и фарингитах, о маленьких драмах повседневной жизни, о сезонных болезнях. Переживать за каждого пациента, как за члена семьи, и задерживать дыхание каждый раз, когда приходится сообщать о смерти. Поэтому, когда родители спросили ее, чем она хочет заниматься после школы, Камилла ответила «правом», хотя точно так же могла сказать «экономикой» или «философией».

Она сказала то, что они были готовы услышать, но, по правде говоря, юриспруденция никогда ее особо не интересовала. Родители удивились, но их удивление